БЫТЬ МОЛОДЫМ

се, что сказано о молодости молодыми, - сущая глупость. Все, что написано о юности старыми, - сентиментальная чушь. Вот и подумайте, стоит ли читать дальше...

Молодость — это не феномен, а эпифеномен, то есть реальность второго порядка. По своей не установленной сути она входит в число тех странных явлений, чья ценность может быть установлена лишь задним числом. Прелесть юности видится лишь через ее отсутствие. Так, сущность здоровья постигается из болезни. Кто утверждает, что молодость — это счастливая пора беззаботности и безответственности, или смолоду был дураком, или с годами стал циником. Модус молодости — тайный садомазохизм. Быть молодым мучительно — и сладко. И немножко как бы стыдно. Наивность, упоенная своей непричастностью к тяготам быта, всего лишь инфантильность. Так же неприятна ранняя опытность. Об атлетических дебилах и модных кретинках, растрачивающих свой пыл на бесстрастный секс и безрадостное веселье, говорить не хочется. Оставим их роскошную нищету газетному глянцу. Истинная юность осознает себя как экзистенциальную недостаточность. Она не то, что

нальной неопределенности юности, в драматическом несоответствии стремлений и возможностей, ее неразрешимая коллизия и неистощимая потенция. Быть молодым — это не состояние, а процесс: неуправляемый, неустойчивый, непредсказуемый.

Психика не сложившейся личности чревата ком-

плексами. Конечно, не стоит вполне доверять старику Фрейду, слегка помешанному на сексе, но и закрыть найденный им ход в подвал бессознательного, к сожалению, уже не удастся. Самый известный (скандально знаменитый) из страшных снов разума — так называемый эдипов комплекс. Фрейд полагает, что каждый из нас с раннего детства безотчетно для себя стремится пройти по стопам мифического фиванского царя: убить отца и овладеть матерью. (У девочек, понятно, наоборот.) Если и есть в этой научной похабени какой-никакой смысл, то порождает его, как мне кажется, не сексуальность, а социальность. Наследник стремится занять не постель отца, а его трон. Юность осознает власть стариков как иго и воспринимает традицию отцов как инерцию. На самом деле возрастной прессинг не только житейская неизбежность, но и общественная необходимость. Прекрасные порывы редко бывают творчески есть, а то, чем хочет и не может стать. В этой феномесостоятельными. Энергия должна сосредоточиться, а

чают тем же, с чего начали. Сдерживающее начало привносится в юность извне. Власть естественным образом сосредотачивается в совете старейшин. Однако опыт склонен абсолютизировать свои преимущества, зачастую в ущерб здравому смыслу. В дряхлеющем государстве юность — расходный материал в борьбе за существование. Старческий эгоизм вождей ведет нацию в тупик геронтократии. Стесненное настоящее под гнетом прошлого набирает разрушительную мощь, чтобы взорваться бунтом, вырваться на волю и стать проблематичным будущим. Динамика молодости — динамит. О молодость! Напряженная жизнь на понтах, пронизанная сквознячком суицида... Трудная пора вызревания прыщей и возрастания сомнений... Сложное время избытка энергии и нехватки терпения... Пере-

страсть настояться. Вундеркинды, как правило, кон-

сама по себе, а какова она в сравнении. Навороченные фишки вытесняют из восприятия неприглядные факты; так настырные стервы оттесняют застенчивых золушек на праздничной вечеринке.

Быть молодым — значит быть всегда не в себе. Алгоритм юности определяется конфликтом этик: идеализм и цинизм одновременно осаждают незрелую душу. Афродита Урания и Афродита Пандемос

ходный период раздора страстей и распада надежд...

Желанье без цели, истина без смысла, печаль без при-

чины, радость ни отчего. Молодость проходит под ма-

гической властью эпитета: важно не то, что есть вещь

лую душу. Афродита Урания и Афродита Пандемос (стремление к идеалу и плотская страсть) рвут сердце пополам. Неокрепшей натуре грозят еретические заблуждения и венерические заболевания. Как нелегко быть молодым! На что ни потрать молодость — на карьеру или на кураж — потом все равно пожалеешь. Поэтому — делай как все, только лучше.

Нынешняя генерация молодых людей (поколение

NEXT, офисный планктон — как там еще их обзывали

скопом?) в социологическом плане не выражена как отдельная категория и в социальном срезе внутренне не оформлена как общность. Новые молодые суть неоднородная взвесь в растворе безвременья: наиболее энергичные особи собираются в тусовки вокруг существующих центров власти, чтобы устроить свою судьбу по заданным силовым линиям. Желания пере-

вернуть или опротестовать реальность нет ни у кого,

кроме горстки эксцентричных экстремалов. И то их

бессмысленный бунт сродни бездарному перфор-

мансу. Не то от ума мучаются, не то дурью маются...

Может, это и к лучшему. Новые молодые стремятся

сбыться в реальном мире. Они лишены предрассудков,

но рассудок их ограничен. Они не отягощены убежде-

ниями, но зависимы от предубеждений. Их свобода — кипящая пустота, которая заполняется опытом.

Лучше ли им живется? Как сказать... Жизнь без

Лучше ли им живется? Как сказать... Жизнь без иллюзий — самая опасная и устойчивая иллюзия.

Перманентность перемен кажется ей непременным условием надлежащего образа жизни. Сколько надо наделать глупостей, сколько потерь пережить, чтобы полюбить постоянство... чтобы стать зрелостью. Чтобы понять и принять банальную истину: все не так хорошо, как грезится, и не так плохо, как кажется.

В минувшем веке классические пропорции человеческого возраста подверглись модернизации. Молодость вошла в моду и стала товаром повышенного спроса. Что повлекло за собой значительные изме-

Каждому возрасту свойственны свои больные про-

блемы. Детство не знает границ между возможным и

невозможным. Юность обнаруживает эту разницу, но

считает границы преодолимыми. Зрелость устраивает

царствие свое в жестких границах возможного. Ста-

рость снова стирает экзистенциальные границы - по-

тому что в разряд невозможных вещей одна за дру-

гой уходят естественные возможности. Собственного

смысла в молодости нет. Он ей и не нужен. Моло-

дость обходится мифами и миражами. Кто ищет в ней

смысл (и не ровен час находит), до срока становится

стариком. Молодость одержима страстью к разрывам.

лукавый дух времени перевернул песочные часы... Старость отказалась от своих обременительных прерогатив и присвоила себе неподобающее легкомыслие, а молодость, потерявшая исключительное право на прекрасные ошибки, заразилась злокачественной потребительской лихорадкой. Мировая реклама внушает всем и каждому: быть успешным — значит быть молодым. И наоборот. Мода нивелирует возрастные

различия. Наука пытается перехватить у природы

контроль за порядком вещей. Но даже если в чело-

веческом организме будет выделен и блокирован ген

старости, жизнь продлится по срокам, но не изменит-

ся по сути. Вечная молодость не более чем дьяволь-

ский соблазн. Фауст, собственный клон с истрачен-

ной душою, — не полубог, а монстр. Ни в одну реку

нения в структуре обыденного сознания. Что-то пе-

реместилось в прежней иерархии ценностей; словно

нельзя войти дважды, тем более в течение времени. Скоро весна, и старый хрен в сухом подвале грезит о вечном возрождении... Ему кажется, что с первым теплом он сможет заново укорениться на благоприятной почве и произрасти так, что все молодые редьки на грядке ахнут! Он еще покажет молодым, как надо зреть в корень. С его-то опытом... Увы. Второй мо-

лодости, как и второй свежести, в природе не бывает. Взамен молодости человеку дается мудрость. Или не дается. Значит, тогда и молодость была растрачена впустую. И жизнь, по большому счету, не удалась. Молодость, как сказал один остроумец, — это бо-

молодость, как сказал один остроумец, — это оолезнь, которая быстро проходит. Но, справедливости ради, следует добавить, что редко у кого выздоровление обходится без осложнений на сердце. И все же —

блажен, кто смолоду был молод... Хотел бы я снова стать молодым? Нет, нет и нет! Еще раз создавать себя из таких шатких предпосылок, почти что из ничего, у меня не хватило бы духа. Юные живут легко потому, что не знают, как сложна и тяжела жизнь. Но, узнав однажды, от этого знания уже не избавиться.

Молодость: неустойчивая лодчонка под алым парусом выходит в житейское море... Старость: в тихой заводи догнивает остов, обросший ракушками

парусом выходит в житейское море... Старость: в тихой заводи догнивает остов, обросший ракушками воспоминаний... А что между ними? Между ними жизнь. К сожалению, слишком короткая. Хорошо, что молодые этого не знают. И не надо говорить им. Пусть еще немного порадуются...

СТАТЬ СТАРЫМ

то ни говори, старики — счастливые люди. Те, кому так или иначе повезло. Невезучие до старости не дожили. Но это очень трудное счастье. Настолько трудное, что вряд ли кто его способен почувствовать непосредственно. Разве что осознать: ну

да, конечно... сто раз мог пропасть, а вот поди ж ты —

Стать старым — получить в игре в жмурки с судь-

до сих пор живу!

бой некий бонус. Персональную прибавку к средней продолжительности жизни. А также связанные с ней преференции, привилегии, прерогативы. Да ведь судьба-то, как известно, злодейка! — радость победы с изощренной подлостью обложена прогрессивным

налогом страдания: чем дольше живешь, тем хуже.

В историческом плане категория старости есть кри-

терий прогресса. Первобытные орды избавлялись от

стариков как от дармоедов, чтобы не тратить зря скудные ресурсы. Геронтологическая революция предваряла моральный подъем и технический прогресс. Чтобы орде стать народом, потребовалось перераспределение власти от силы к мудрости. Старики, хранители мифа и знатоки ритуалов, составляли коллективный интеллект племени, и чем больше в обществе объем живой памяти, то есть мудрости, тем выше у него шансы устоять в истории. Только с утверждением устойчивой системы накопления опыта и передачи традиции, гаран-

тированной этикой, можно говорить о культуре. Именование Творца в библейские времена — ветхий денми, то есть бесконечно древний. И у земных владык не было тогда титула превыше патриарха. Жизнь всегда была тяжела, и чем труднее было дожить до преклонных лет, тем более уважались седины и бороды старейшин. На Востоке еще в значительной мере и теперь так. А в западной истории, пожалуй, XIX век — пик геронтологического максимума. Ускорение истории требует от ее активных агентов не столько опыта (который быстро устаревает), сколько

расторопности, свойственной молодым. Новейшая

сокращение *старой перечницы*, если не чего похуже). Преклонный возраст дискредитирован до физической немощи и идейной косности. Эта тенденция сгущена до кошмара в фантастическом романе А. Бьой Касареса «Дневник войны со свиньями», где под свиньями разумеются старики, объявленные вне закона. Конец цивилизации зеркален ее началу.

история ментальности свидетельствует о деградации

статуса старости от почетного титула старейшины

до оскорбительного клейма старпера (разговорное

разумеются старики, объявленные вне закона. Конец цивилизации зеркален ее началу.

Но это всего лишь литература. На самом деле достоинство старости в западной цивилизации реально обеспечено всем достоянием общества. Ее прерогативы гарантированы высокоразвитой социальной системой и общественной моралью. Чего нельзя сказать о нас. Наша страна и здесь пошла своим путем. Весьма кривым и окольным. Отказавшись от восточной патриархальной традиции, мы не усвоили себе и западную ин-

ституциональную тенденцию. Достаточно вспомнить, как при обороне Москвы под немецкие танки бросили

наспех сколоченное ополчение непризывного возраста. Или припомнить семирублевую колхозную пенсию, на

которую доживали свой тяжкий век кормильцы Рос-

сии. Йоги загнулись бы с голодухи, а они еще внучатам из нее по грошу откладывали на гостинцы... Да и прочим пенсионерам приходилось туго. Единственным комфортным домом престарелых был ЦК КПСС.

Смена режима утешения старости не принесла. Основные издержки реформы покрыты за счет старожилов системы. Сначала их лишили всех сбережений, чтобы покрыть хищения государственной собственности, а потом посадили на скудный паек. Когда

сверхприбыли олигархов получают налоговые льго-

ты, золотой запас не вмещается в закрома родины, а

средняя пенсия в стране немногим больше прожиточ-

ного минимума... только лояльность автора удержи-

вает логику рассуждения на пороге категорического

вывода; еще немного, и усомнишься в благих намерениях наших государственных мужей.

(Вывод, который напрашивается, я заключаю в скобки. То есть как бы оставляю опасные мысли в зоне временной изоляции от основного текста. Очень уж эти мысли нехорошие... Вот они, по порядку номеров: 1. Старики не нужны нашему государству, обязанность содержать их воспринимается как обуза; это та часть внутреннего долга, которую правительству хотелось бы списать с бюджета. 2. Система социального страхования выстроена так, чтобы прежде всего давать кормление армии чиновников. 3. Здравоохранение имеет целью не здоровье и долголетие нации в целом, а поддержание самодеятельного населения в рабочем состоянии. 4.

Единственное, что удерживает власть от радикальных

мер, — относительная зависимость от голосов пенсио-

неров; с каким-то непостижимым мазохизмом стари-

Не говоря уже о нравственном аспекте казенного отношения к старости, оно подрывает устои общества.

ки на всех выборах последовательно поддерживают

власть, которая держит их за чертой бедности.)

Такая социальная система не что иное, как тотальная финансовая пирамида: брошенные старики — обма-

нутые вкладчики своей жизни в отечественную исто-

рию. Обворованная старость — человеческая трагедия. Возраст, который должен увенчать честную частную

жизнь, развенчивает ее смысл. Государство, не могущее и не хотящее обустроить старых, не вправе рас-

считывать на гражданскую ответственность молодых. Быть старым и без того несладко. Жизнь прой-

Tи — не поле перейти; вроде еще устойчив на ходу, но земля (вот беда!) шатается под ногами. Мысли пута-

ются с воспоминаниями, эмоции с физиологическими реакциями. Сознание замыкается вечными вопроса-

ми, выпадая из своего времени. Шепотки бессмертия и шорохи распада сливаются в шум в ушах. Все силы

уходят на поддержание жизни, а на саму жизнь уже ничего не остается. Старики всегда чем-то озабочены. Но ответа что тревожит? — от них не добьешься. Забота освобождается от предметности и становится заботой как

таковой. Тревогой в чистом виде. Зовом Ничто. При всей глуховатости старики слышат его лучше прочих. Angst, то есть ужас: так определил Хайдеггер метафизический фон бытия. Ужас, тихий и привычный, словно верный и ветхий пес, стережет сны старости. Классическое определение этого состояния дал поэт Борис Пастернак:

Взамен турусов и колес Не читки требует с актера, А полной гибели всерьез... Старость наступает, когда узнаешь все ответы, но

Но старость — это Рим, который

спрашивает, а если спрашивает — не слушает. Старики поняли в жизни что-то очень важное... но к тому времени, когда они это поняли, это важное стало незначительным; или жизнь повернула куда-то не туда...

вопросы к ним уже не актуальны. И никто тебя не

Прерогативы преклонного возраста имеют негатив-

ный характер: можно не делать, не помнить, не хотеть, не иметь... Все, что было отложено на потом, куда-то делось. Остается ощущение несправедливости: как же так... Даже у ностальгии привкус желчи. Регалии, звания, знаки признания и почтения... это, конечно, облегчает тяжесть пустоты. Но не очень. Те, что стремятся удержаться на стрежне и со скандалом цепляются

за уходящее, ничего не выигрывают и много теряют.

Мудрость полнится покоем и насыщается печалью. Мир старого человека не окружающее пространство, а фон внутреннего одиночества. Из панорамы

ряет четкость ближний, бытовой, зато открывается дальний, метафизический. Старческий дефект зрения — дальнозоркость. Старость натыкается с недоумением и раздражением на то, что под носом, зато угадывает дальнее и смутное. Кристалл памяти тает, как айсберг, и сиюминутное утекает с бледной водой медленных дней, зато вытаивает давнее, потерянное в бессознательном. Прежние иллюзии возвращаются из забытья: из-за бытия. Иногда катастрофическим образом. Маразм: хаос, прорвавшийся в сознание. Мерцающее сознание: обреченная попытка связи между бытием и ничто. Стать старым — перейти незримую семантическую границу между реальным и виртуальным. По-

жизни постепенно исчезает средний план, потом те-

менять семиосферу, то есть систему порождения смыслов. - Чего тебе надобно, старче? Хочешь новое корыто взамен разбитого? — Нет. Хочу, чтобы к прежнему вернулась полнота и цельность. — Извини, старик. Ничего не выйдет. Не сетуй и не блажи. Так не бывает. — Ну так и оставьте меня в покое.

точности. Жизнь вообще опасна, а старость так и вовсе смертельна. На данном уровне развития медицины старость не лечится. На данном уровне развития метафизики смертная тоска неисцелима. Старческий эгоизм симптом хронической болезни духа. Оскудение чувств, отчуждение свойств и отстранение мыслей. Добром это все не кончится. Никто не уйдет отсюда живым. Стать старым — значит стать лицом к лицу с

Старость — это синдром экзистенциальной недоста-

тем, что у чего нет лица. С тем, что не имеет имени и не знает пощады. Своими подслеповатыми глазами старые люди среди бела дня видят подступающую тьму — и палками отгоняют тени, подтачивающие круг бытия. На наших глазах — и так часто без нашей поддержки — они ведут последний бой за утраченное время. И тем являют нам пример житейского подвига. Они смогли достойно выдержать жизнь, значит, и мы сможем. Самый великий дар старости - проще-

бы оправдывается наша борьба за существование, порой беспощадная. Где старики не прощают времени и, умирая, отворачиваются лицом к стене — быть тому месту прокляту. Старики держат оборону современности от исто-

ние. Этим примирением с человеческим уделом как

рии. Они составляют арьергард каждой эпохи. Мир движется по колее времени из неведомого в неизвестное. Прошлое преследует по пятам, и если бы старики не могли с ним справляться, оно настигло бы настоящее и порвало его в клочья. Героические и жалкие, слабые и непреклонные, исполненные терпения и

мужества, старики одной ногой стоят за потерянным горизонтом. Когда они все, один за другим, погибнут в борьбе за общее дело, наступит наш черед.